

*Л.Р. Усманова**

«Три родины» поэта Перелешина
(О новой книге Ольги Бакич)

АННОТАЦИЯ: Рецензия посвящена первой и единственной биографии Валерия Перелешина (1913–1992), одного из самых ярких поэтов восточной ветви российской эмиграции, вышедшей на английском языке из-под пера Ольги Бакич в 2015 г. В книге известного исследователя российской эмиграции впервые представлены неопубликованная переписка поэта, автобиографические записи, проведён анализ философского и поэтического творчества двух основных периодов его жизни — в Китае и Бразилии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В. Перелешин, О. Бакич, российская эмиграция, Китай, Бразилия, поэты русского зарубежья, Русская православная церковь, переводы китайской классики.

В прошлом году в Канаде была издана по-английски книга известного исследователя российской эмиграции Ольги Михайловны Бакич «Валерий Перелешин: жизнь шелкового червя» [2]. Она уникальна как первая биография В. Перелешина (Валерия Францевича Салатко-Петрище, 7(20).7.1913, Иркутск — 7.11.1992, Рио-де-Жанейро), называвшегося современниками лучшим поэтом восточной ветви российской послереволюционной эмиграции. Это биография неординарного человека, который и жизнью, и творчеством утверждал свою нестандартную сексуальную ориентацию в сложной социальной, эмигрантской и гомофобной среде. Она написана удивительным человеком, чья судьба сама по себе уникальна и связана с историей эмиграции и её послевоенными исследованиями в мире. Наконец, книга отличается от привычного жанра биографии. Она —

* Лариса Рафаэлевна Усманова, к. социол. н., доцент Учебно-научного центра «Философия Востока» Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия; E-mail: ousmanoval@gmail.com

своего рода автобиография поэта, ибо автор как хороший историк очень осторожна в собственных оценках и выводах, предлагая своему герою самому говорить за себя: строками личных писем¹, официальных документов и, конечно же, стихотворений и философских работ. Эта книга, как сказано в предисловии², — дуэт, где поэт — солист, а биограф — аккомпаниатор.

В. Перелешин не хотел иметь своих жизнеописаний. «По моему мнению, поэт не нуждается в биографии (какая биография может быть у шелкового червя?)», — писал он, и от этого сравнения происходит название книги о нём^{3*}. Но О. Бакич, защищая интересы почитателей его творчества, объясняет свое желание написать биографию поэта естественным стремлением больше знать о создателях любимых произведений. Её интерес к творчеству Перелешина — глубоко личный, о чём она пишет в первых же строчках: «Я полюбила стихотворения Валерия Перелешина со времени моей харбинской юности. Много лет спустя я узнала, что он жив и живёт в Бразилии, и написала ему, и мы переписывались шесть последних лет его жизни». Это биография поэта в эмиграции, а не биография эмигранта с поэтическим талантом, и написана она человеком, который предельно объективен, но при этом очень мягок и заботлив в изложении жизненных фактов и творческих изысканий своего героя, которого автор знала лично.

Изложение выстроено традиционно, согласно истории жизни Перелешина и состоит из двух больших частей: китайский период (1920–1952) из 6 глав, во время которого Перелешин определился с поэтическим путём в жизни, и бразильский период (1953–1992) из 7 глав (гл. 7–13), когда после 10-летнего молчания поэтический талант Валерия Перелешина полностью проявился.

Немного фотографий поэта сохранилось до наших дней. На обложке — рисунок, прижизненный портрет В. Перелешина, сделанный рукой бразильского друга и почитателя его таланта, художника Хумберто Маркуса Пасоса в Рио-де-Жанейро 10 июня 1982 года и использованный в публикации с разрешения художника. Мы видим

¹ Несколько писем Валерия Перелешина были опубликованы О. Бакич в литературно-художественном журнале русского зарубежья: *В. Перелешин. Письма П.П. Лапикену* // Новый журнал, № 233, 2003; *В. Перелешин. Письма П.П. Лапикену* // Новый журнал, № 234, 2004.

² *Olga Bakich. Valerii Pereleshin: Life of a Silkworm*. University of Toronto Press, 2015, p. xiv.

^{3*} Тем не менее он опубликовал по-русски автобиографические мемуары: *Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950: the memoirs of Valerij Perelešin*. Amsterdam, 1987. — *A.K.*

поэта с задумчивым лицом, где один прорисованный глаз устремлен вдаль, а второй скрыт под очками; где правая рука лежит на чистом листе открытой тетради, а левая поднята вверх с дымящейся сигаретой. Именно курение стало причиной его тяжёлой смертельной болезни.

В книге все стихотворения В. Перелешина даны в русском оригинале и английском переводе. Первое же стихотворение объясняет название биографии героя, сравнивающего себя с шелковичным червём, чей продукт — шёлковая нить есть жизнь и её итог. Для поэта такой нитью являются его стихи:

Паутину нежную, клейкую,
Матерьял отличный,
Извиваясь невидной змейкою,
Производит червь шелковичный
Из себя самого
(Больше нет ничего).
Те же клейкие строки, поводы
Для чуждых раздумий,
Создаю, на тризну, на проводы
С каждым годом идя угрюмой,
Из себя самого
(Больше нет ничего).

В.Ф. Салатко-Петрище (принявший псевдоним В. Перелешин) покинул Россию в семилетнем возрасте и прожил тридцать лет в Китае (Харбине, Пекине, Шанхае) до 1952 г. В годы эмиграции он стал не просто русским поэтом, а, как пишет О. Бакич, русским эмигрантским поэтом, потому что его язык и культура были перенесены русскими эмигрантами в Китай из предреволюционной России. Он выпустил четыре книги стихотворений и переводов с английского языка в китайский период своей жизни. О. Бакич подробно останавливается на событиях и деталях его биографии, подтолкнувших к поэтическому творчеству. Не все эмигрантские поэты, с кем Перелешин дружил и состоял в поэтическом кружке Харбина «Чураевке» (1932–34), созданном поэтом Ачаиром (Грызловым), рискнули на такой шаг. Мы видим атмосферу поэтического Харбина глазами одного из его ярких представителей, читая строки его писем.

Первое стихотворение Перелешина «Тройка» было опубликовано в газете «Рупор» 11.2.1928 г. под псевдонимом Ренэ. Автору было всего 15 лет. Ещё шесть стихов появились в прессе в течение этого года и привлекли внимание поэтического Харбина. Псевдоним «Валерий Перелешин» был придуман его любимой матерью, с которой он прожил до конца её дней, и редактором журнала «Рубеж»

Михаилом Рокотовым (М.С. Бибиновым) при публикации стихотворения «С каждой встречей лучше вы и ближе» (21.04.1932), появившегося в журнале 11.6.1932 г. Сборник стихотворений поэтов «Чураевки», вышедший в 1935 г. (Перелешину было всего 23 года), вывел его в первые ряды поэтического Харбина. Ходасевич из Парижа в рецензии на сборник отметил, что «В. Перелешин несомненно талантлив». А один из рецензентов его четвертой книги стихотворений «Жертва» (1944) Н. Климов написал, что Перелешин — «один из наиболее одарённых российских поэтов на Востоке».

Перелешин учился на знаменитом юридическом факультете Харбинского политехнического института, слушал лекции и даже посвятил стихотворение профессору Устрялову. Как и многие русские эмигранты в Харбине, он был вначале довольно далёк от китайской культуры, обучаясь в русской гимназической, а затем и русскоязычной университетской среде. Однако в отличие от многих однокурсников как поэт он не мог не видеть уникальность оригинальной китайской культуры. И его путь к познанию культуры и языка второй родины начался с подготовки выпускной работы о китайском гражданском праве. Так он начал изучать китайский язык, впоследствии работал переводчиком с китайского языка в шанхайском представительстве советского телеграфного информационного агентства ТАСС, а затем в бразильский период своей жизни переводил на русский язык китайские классические поэмы и произведения, такие как *Дао дэ цзин* (в СССР впервые издан в 1990 г.)^{4*}.

Особенность перелешинского лирического стиля (уклончивость, двусмысленность) связана с гомосексуальной ориентацией, которую поэт долго скрывал и от осознания которой мучился, что привело к решению стать монахом в 24 года. В 15 лет он обнаружил свою «неспособность к „нормальной“ любви к женщине». Первая неразделённая любовь — к однокласснику. Причина, по которой он не мог никому рассказать о своих чувствах, — гомофобность эмигрантского общества и православной церкви, к которой его семья принадлежала. Он пытался стать «нормальным», но единственный роман с женщиной оказался неудачным и болезненным. Отношения с женщинами, влюблёнными в его поэзию, а через неё в автора, но не понимавшими или не принимавшими его сексуальную самоидентификацию, всю жизнь приносили поэту лишь скандалы и боль. Даже самый близкий человек, мать, отвергла его планы жить после войны вместе с главной любовью жизни, китайским любовником.

^{4*} См.: *Лао-цзы. Дао дэ цзин: Поэма / Пер. с кит. В.Ф. Перелешина*. М.: Время, 2000. — А.К.

В 24 года Перелешин выпустил первую книгу стихотворений и решил стать монахом. Он не видел возможности иной социальной реализации, кроме поэтической, а гомосексуальная ориентация в отрицавшем её обществе способствовала уходу в самоограничение и философское самопознание. В 1937 г. Перелешин поступил на теологический факультет Института святого Владимира, одновременно принял постриг в Казанско-Богородицком монастыре, основанном в Харбине в 1922 г., и 7.5.1938 г. получил имя Герман в честь святого Германа Казанского и Свяжского (в этот период писал стихи под псевдонимом «отец Герман»), а в следующем году переехал в Пекин и стал служить в Русской духовной миссии.

Пекинский период жизни Перелешина — «наиболее важный этап». Он оставил интересные воспоминания о деятельности и представителях Духовной миссии в Китае в то время. Перелешин преподавал русский и японский языки в русско-китайской школе при миссии. Её посещали более ста китайских студентов. В апреле 1940 г. 16 студентов миссионерской школы, их учитель, четыре взрослых китайца и трое маленьких детей приняли православие. По просьбе школы Перелешин стал крёстным отцом большинства из них, чем гордился.

Он также выполнял обязанности библиотекаря миссии с декабря 1939 г. и «обнаружил множество прекрасных книг, несмотря на то, что древняя библиотека миссии полностью сгорела во время Боксёрского восстания». В это время Валерий Перелешин представлял миссию в культурно-образовательной комиссии Анτικοинтерновского комитета. В его обязанности входили и секретарские работы: «Вся корреспонденция главы миссии проходила через мои руки, глаза и память... Глава миссии уже написал в очень тёплых тонах обо мне митрополиту Мелетию⁵, епископу Иоану и архимандриту Нафанаилу⁶. Кстати, он написал [про меня] следующее: „Я благодарю бога за этого монаха“». С «умным и сердечным» архимандритом Нафанаилом Перелешина связывала добрая дружба.

Здесь 20 апреля 1943 года Перелешин защитил магистерские тезисы «Философия страдания» на степень кандидата богословия, где утверждал, что Церковь уклоняется от глубокого взгляда на страдание, которое не от дьявола, а является источником духовного

⁵ Митрополит Мелетий (Зборовский, 19.7.1868, Тобольская губ., — 6.4.1946, Харбин), епископ Русской православной церкви, митрополит Харбинский и Маньчжурский. Закончил Казанскую духовную семинарию в 1899 г.

⁶ Архимандрит Нафанаил (Василий Владимирович Львов, 30.8.1906, Москва — 8.11.1986, Мюнхен), епископ Русской православной церкви за рубежом, архиепископ Венский и Австрийский.

и творческого роста. В диссертации он анализировал отношение к страданию, изложенное в «Ветхом» и «Новом завете», у западных и российских (Сведенборг, Шопенгауэр, Шеллинг, Шестов, Флоренский и другие), а также китайских философов (Мэн-цзы), католических мистиков, западных и российских поэтов и буддистов. Эта работа и удостоилась похвалы прогрессивной части эмигрантского сообщества Китая, и подверглась критике консервативных представителей православной церкви, что сначала вынудило его покинуть Пекин, а, в конце концов, стало одной из причин отхода от православия и снятия монашеского сана.

В пекинский период Перелешин серьёзно занимался китайским языком и увлёкся переводами китайской поэзии. Супруги Александра Николаевна и Иван Иннокентьевич Серебренниковы, с 1922 г. жившие в Тяньцзине, показали ему свой сборник переводов «Цветы китайской поэзии» (1938), утверждая, что это была первая антология русских переводов китайских стихотворений. Сами Серебренниковы не знали китайского языка и основывались на опубликованных английских переводах. Перелешин увидел ошибки, так как неплохо владел китайским к этому времени и был поэтом. Поэтому он перевёл 36 стихотворений из сборников «Стихи тысячи поэтов» и «Триста танских стихотворений»^{7*}, некоторые из которых опубликовал в ноябре 1943 г. в журнале «Рубеж». Ранее, в 1942 г. Перелешин перевёл балладу «Мулань»^{8*}, которая также была опубликована в нью-йоркском выпуске «Рубежа» в 1943 г.

Нелёгким был жизненный и поэтический путь Перелешина после войны. В 1943 г. он переехал в Шанхай для работы в православной миссии. В это время половина 50-тысячного европейского населения Шанхая была русскоязычной, что позволило ему через харбинских друзей по «Чураевке» Марию Коростовец и Лидию Хаиндрову войти в культурную среду, читать лекции по поэзии и философии, посещать русский литературный кружок «Пятница». Он также служил в домовая церкви при Лиге русских женщин, а с 1945 г. стал подрабатывать переводчиком в отделении ТАСС. Перелешин никогда не думал о репатриации в СССР, несмотря на то, что тема первой родины и родного русского языка была в его жизни главной.

^{7*} *Цянь цзя ши* 千家詩 и *Тан ши сань-бай шов* 唐詩三百首. — А.К.

^{8*} *Му-лань ши* 木蘭詩, или *Му-лань цы* 木蘭辭, — китайская поэма V–VI или VIII в. с популярным сюжетом о женщине-воине, даже лёгшим в основу полнометражного американского мультфильма; перевод см.: *Перелешин В.* Стихи на веере. Антология китайской классической поэзии. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1970, с. 28–31. — А.К.

Полученное в 1946 г. советское гражданство стало «роковой ошибкой» его жизни. Из-за него он не смог эмигрировать в 1950 г. с матерью в США к брату⁹, даже был выслан оттуда из-за подозрения в симпатиях к коммунистам. И только в 1953 г. В. Перелешин вместе с матерью вслед за друзьями переехал из КНР в Рио-де-Жанейро, где прожил почти 40 лет до самой смерти.

В бразильский период (1953–1992) после 10-летнего молчания он выпустил девять книг стихотворений на русском языке, одну на португальском и четыре книги переводов: две — русских переводов китайской поэтической классики, одну — русских переводов бразильских стихов, и одну — русских, переведённых на португальский язык. Множество переводов и собственных стихов этого периода остаются неопубликованными.

О. Бакич отмечает несколько особенностей в стиле и тематике поэзии Перелешина, которые уникальны в русскоязычной поэзии в Китае и русской эмигрантской поэзии в целом. Несомненно, он был мастером сонета, что отмечали многие современники¹⁰.

Кроме того, Перелешин не интересовался историей и политикой, как другие эмигранты и поэты в эмиграции. В течение всей жизни он отстаивал свою нетрадиционную сексуальную ориентацию, о чём Бакич пишет прямо, не стесняясь и ставя её в основу поэтической и личностной идентичности Перелешина. По её мнению, его поэзия говорит о постановке больших философских проблем — непримиримости религии и частной человеческой жизни, о его личных исканиях в преодолении этого конфликта и желании жить чистой и безгреховной жизнью: «Возможно, это выглядит эгоцентричным, но это поднимает необходимость вопроса и вызова Богу: как быть свободным от религиозного и социального ханжества, иметь право быть тем, что ты есть. Маскировка, уклончивость, утончённость его стихотворений создавали дразнящую глубину и напряжённость. В опубликованных стихотворениях читатели видели лишь гетеросексуальную любовь». Только в 1976 г. Перелешин в сборнике

⁹ Младший брат Валерия Перелешина, Виктор, эмигрировал в США ранее. В китайский период жизни тоже писал стихи и публиковался в 1930-х годах под псевдонимом «Виктор Ветлугин», однако впоследствии бросил, мотивируя тем, что «одного поэта достаточно в любой семье».

¹⁰ В частности, это утверждает советский поэт, состоявший долгие годы в переписке с В. Перелешиним и издавший часть его переводов, Евгений Витковский. См.: В. Перелешин. Неизданные переводы на русский из Уильяма Шекспира, Луиса де Камонса и Фернандо Пессоа (вступительная статья и публикация Е. Витковского) // Toronto Slavic Quarterly. 2004 (winter), № 7.

стихотворений «Ариэль» открыто заявил о своей гомосексуальности, освободившись от психологического комплекса «грешника»:

Бесстрастная святыня воплощения —
Высокое помазанье Христа,
Но женщину целуем мы в уста
И от неё иного ждём свершенья.
А нужно ли для оплодотворенья,
Чтоб корчилась от похоти чета?
Ведь в мире есть и волны, и цвета,
И зеркала, и отголоски пенья.
Потомки двух горячих облаков
Перебегут за сумерки веков.
Двум ветровым, влюблённым Ариэлям
Дано творить в безгрешной высоте,
А ниже — мы: горим и с ними делим
Чудесный дар зачатия в красоте»
(«Мы», 24.6.1972 г.)

Избавление от страха порицания и необходимости скрывать свою сексуальную ориентацию открыло новый плодотворный и творческий этап его жизни.

Этот путь поэтических и личностных исканий начинался со сборника стихов «В пути» (1932–1937), привёл к монашеской жизни в сборнике «Добрый улей» (1939), к молитвам за погибающую душу в «Звезде над морем» (1941) и болезненным сомнениям в «Жертве» (1944). «Его стихотворения отражают конфликт между его верой и его гомосексуальностью, говоря о грехе, падении, блудном сыне, искушении, непокорённой плоти, сладком яде страсти, губительных сетях, наказании и земном бремени боли и позора», — пишет О. Бакич.

Только со стихотворения «Бездна» 1943 г. его отношение к неназываемому греху стало меняться. Позже он писал, что «если бы было возможным в то время (в 1930-х годах) жить не по нормам, моя судьба сложилась бы иначе. Но скорее всего в этом мире не было бы поэта Валерия Перелешина... Он бы никогда не имел первого требования для поэзии — боли». Перелешин не жалеет ни о чём, принимая жизнь такой, какой она была. В начале 80-х он написал, что «если бы у меня была возможность выбрать жизнь снова (в другой реинкарнации), я выбрал бы тот же самый путь и то же самое счастье».

Ещё одну тему, которая отличает Перелешина от других эмигрантских поэтов, отмечает О. Бакич: интерес и любовь к китайской культуре и Китаю. Хотя в стихотворении «Ностальгия» (19.9.1943) он пишет:

На скудные доли я сердце мое не дроблю,
Россия, Россия, отчизна моя золотая,
Все страны вселенной я сердцем широким люблю,
Но только, Россия, одну тебя больше Китая

Однако «ласковая мачеха» (там же) затмевает к концу жизни родную мать. «Если бы только я родился китайцем», — мечтал он. Ему было 38 лет, когда он покинул Китай, свою вторую родину, по которой сильно тосковал в Бразилии и о которой сказал, что «в день, когда я умру, непременно вернусь в Китай».

Перелешин хорошо знал китайский язык, переводил классическую поэзию Китая («Стихи на веере», *Ли-сао* Цюй Юаня и др.) и использовал в своих русских стихах китайские слова. Возможно, сказалось влияние его китайских любовников, с помощью которых он учил язык и познавал реалии культуры, о чём упоминал в переписке. Он даже посвятил одному из них стихотворение «Красные листья под инеем» (15.5.1947), написанное по-китайски и переведённое на русский^{11*}.

Несомненно, третьей особенностью поэзии Перелешина является влияние бразильской культуры и португальского языка, который он выучил, на котором писал и с которого переводил. В 10-м по счёту сборнике стихотворений «Три родины» (1971) он говорит о «незнаменитой, последней родине моей» Бразилии как последнем приюте его жизни.

Родился я у быстроводной
неукротимой Ангары
в июле, — месяц нехолодный,
но не запомнил я жары.

Со мной недолго дочь Байкала
резвилась, будто со щенком:
сначала грубо приласкала,
потом отбросила пинком.

И я, долгот не различая,
но зоркий к яркости обнов,

^{11*} В стихотворении обыгрывается имя собственное, оно начинается строками: «Красные Листья под Инеем — странное имя: / Сколько в Китае затейных и умных имён!» — а заканчивается: «Будет минута: неласковый иней растает, / Красные листья и губы под ним я найду!». О реакции на его прочтение в эмигрантской среде Шанхая см.: *Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950*, p. 102. — *А.К.*

упал в страну шелков и чая,
и лотосов, и вееров.

Пленённый речью односложной
(Не так ли ангелы в раю?..)
любовью полюбил несложной
вторую родину мою.

Казалось бы, судьба простая:
то упоенье, то беда,
но был я изгнан из Китая,
как из России, — навсегда.

Изгой, но больше не забитый,
я отдаю остаток дней
Бразилии незначительной,
последней родине моей.

Здесь воздух густ, почти телесен,
и в нём, вращая в колдовство,
замрут обрывки давних песен,
не значащие ничего.

Перелешин был серьёзным поэтом-переводчиком, а значит, посредником между культурами. Он, несомненно, был большим поэтом, возможно, лучшим эмигрантским поэтом XX в., по мнению О. Бакич.

Его архив сегодня хранится частично в библиотеке Лейденского университета и в Институте мировой литературы в Москве¹², однако на русском языке биография Перелешина пока не написана^{13*}.

¹² Домом русского зарубежья имени А. Солженицына в 2014 г. после посвящённых В.Ф. Перелешину книжно-иллюстративных выставок «Лучший русский поэт Южного полушария» (2008) и «Заблудившийся аргонавт» (2013) была предпринята попытка издания списка библиографических материалов: Валерий Францевич Перелешин. Материалы к библиографии. Москва, 2014 (bfrz.ru/data/library/Pereleshin.pdf). Пособие включает все найденные виды и типы изданий, содержащих материалы о его жизни и творчестве, включая рукописные и печатные, а также аудиозаписи.

^{13*} Для создания такой биографии книга О.М. Бакич вместе с вышеуказанными мемуарами самого В. Перелешина является необходимым, а возможно, и достаточным основанием, т.е. следует её просто издать по-русски. В этой связи необходимо также отметить огромную библиографическую работу автора, отразившего практически все публикации В. Перелешина и целостно представившего его поэтическое наследие. — *А.К.*

О книге О. Бакич профессор факультета русистики Дартмутского колледжа Бери Шер пишет, что «история Валерия Перелешина, лучшего поэта „Южного полушария“ — увлекательное чтение. И его биография, и его стихотворения достойны того, чтобы привлечь внимание более широкой аудитории». Эта биография достойна быть представленной, прежде всего, русскоязычному читателю, несмотря на специфичность жизненного пути и взглядов её героя. Ибо «заблудившийся аргонавт» Валерий Перелешин — выдающийся русский эмигрантский поэт, русский человек, писавший и думавший по-русски, «лучший переводчик эмиграции», соединивший в творчестве и жизни три культуры и три страны, человек, чья человеческая история неразрывно связана с историей послереволюционной российской эмиграции не только в Китае.

Оттого, что при всей нагрузке
Вер, девизов, стягов и правд,
Я — до костного мозга русский
Заблудившийся аргонавт.

Последняя фраза О. Бакич в биографии В. Перелешина гласит: «Всё, что он оставил нам, — его поэзия». Хочется надеяться, что знакомство с историей его жизни сделает более доступной и его поэзию.

*L.R. Usmanova**

«Three homelands» of the poet Pereleshin

(Review on: *Olga Bakich. Valerii Pereleshin:*

Life of a Silkworm. University of Toronto Press, 2015)

ABSTRACT: This review presents the first biography one of the most prominent Russian poet of Eastern emigration Valeriy Pereleshin (1913–1992), written in English and published in 2015 by well-known researcher of the history of Russian emigration Olga Bakich. The biographic story publishes unknown Pereleshin’s letters, his notes, and the author’s analysis of his philosophical and poetic activity during two main periods of Pereleshin’s life — during Chinese and Brazilian periods.

KEYWORDS: V. Pereleshin, O. Bakich, Russian emigration, China, Brazil, Russian poets abroad, Russian Orthodox Church, Chinese classical poems, translation.

* Usmanova Larissa Raphayelyevna, PhD (Sociology), Department of Philosophy, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; E-mail: ousmanoval@gmail.com